ЕГИПЕТСКАЯ СКАЗКА

ОТКРЫТАЯ

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ЭРМИТАЖѢ.

Египетское отдѣленіе Эрмитажа не велико. Три гранитныхъ саркофага, два деревянныхъ гроба, семь статуй и статуэтокъ, коллекція маленькихъ фигуръ боговъ и богинь изъ бронзы, глазированной глины и зеленаго фаянса, 17 вазъ, 29 надгробныхъ плитъ (стелъ), нѣсколько скарабеевъ и рѣзныхъ камней, наконецъ, 4 папируса, нѣкоторое количество мелкихъ орнаментальныхъ вещицъ—вотъ весь составъ этого небольшого музея. Въ ряду большихъ и малыхъ европейскихъ музеевъ, онъ до послѣдняго времени ничѣмъ особенно значительнымъ не выдавался. Но въ послѣднія 5—6 лѣтъ въ немъ открыты два папируса, до тѣхъ поръ никѣмъ не разсмотрѣнные и необъясненные, но такіе, изъ которыхъ одинъ представляетъ интересъ не маловажный, а второй заключаетъ интересъ уже рѣшительно обще-европейскій.

На оріентальномъ международномъ конгрессѣ 1876 года европейскіе оріенталисты, съѣхавшіеся тогда въ Петербургъ, получили понятіе о первомъ изъ этихъ двухъ папирусовъ изъ записки, прочитанной передъ ними молодымъ русскимъ египтологомъ, В. С. Голенищевымъ, впервые тогда выступавшимъ передъ ученымъ свѣтомъ. Имъ самимъ развернутый и прочитанный, а потомъ переведенный и объясненный, папирусъ этотъ былъ, по его словамъ, «самый интересный между петербургскими папирусами». Къ сожалѣнію, этотъ папирусъ, принадлежащій по написанію, началу XX-й династіи, сохранился очень худо, и многихъ час-

тей его не достаетъ. Въ началѣ онъ содержалъ собраніе разныхъ нравственныхъ правилъ, а въ концѣ—разсказъ объ одномъ событіи, случившемся во времена царя Сенефру III-й династіи [1]). Папирусъ этотъ возбудилъ интересъ въ ученомъ мірѣ. Но другой папирусъ, открытый тѣмъ-же нашимъ ученымъ, 5 лѣтъ спустя, далеко превосходилъ предъидущій во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по сохранности, такъ и по древности и всего болѣе по глубокой значительности, для современной науки, содержанія его. Небольшая, но очень важная по высказаннымъ тутъ результатамъ изслѣдованія, записка В. С. Голенищева (сдѣлавшагося, между тѣмъ, хранителемъ нашего египетскаго музея въ Эрмитажѣ) была представлена имъ международному оріентальному конгрессу, засѣдавшему въ августѣ 1881 года въ Берлинѣ, и тотчасъ-же получила почетную извѣстность въ средѣ европейскихъ ученыхъ, такъ-какъ содержаніе папируса и основанные на немъ соображенія и выводы В. С. Голенищева касаются не однихъ предметовъ спеціально египтологической науки и Египта, но распространяются на гораздо больщій, всемірно-историческій горизонтъ. Эта записка была напечатана (на французскомъ языкѣ) въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ, собственно лишь для членовъ конгресса, и не находилась ни въ продажѣ, ни въ общемъ обращеніи; поэтому будетъ, я полагаю, умѣстно, передать здѣсь русскимъ читателямъ содержаніе ея. Къ переводу своему я присоединю нѣсколько замѣчаній.

«Прошедшей зимой (1880—1881) мнѣ удалось,—говоритъ въ своей запискѣ г. Голенищевъ,—сдѣлать совершенно случайно очень важное открытіе въ египетскомъ музеѣ с.-петербургскаго Эрмитажа: это—папирусъ, гораздо болѣе древній, чѣмъ папирусъ открытый мною, въ 1876 г., также въ египетскомъ музеѣ Эрмитажа,—рукопись, гдѣ уцѣлѣли и начало и конецъ, рукопись почти вполнѣ превосходно сохранившуюся, и притомъ такую, которая въ разныхъ отношеніяхъ представляетъ интересъ совершенно исключительный. Уже своею древностью этотъ папирусъ, вполнѣ тождественный по письму съ необыкновенно древними берлинскими папирусами №№ 1—5 [2]), привлекаетъ къ себѣ все наше вни-

---

[1]) Zeitschrift für aegyptische Sprache und Alterthumskunde, 1876: „Le papyrus № 1 de St.-Pétersbourg“ par W. Golenischeff.

[2]) Послѣ окончанія берлинскаго конгресса г. Голенищевъ убѣдился, въ Луврскомъ египетскомъ музеѣ, что новооткрытый петербургскій папирусъ имѣетъ также величайшее палеографическое сходство съ знаменитымъ парижскимъ „папирусомъ Присса“, относимымъ къ XI династіи.

маніе: извѣстно, что эти послѣдніе папирусы, заключающіе любопытную исторію египетскаго эмигранта Синеха, относятся ко временамъ конца Древняго Царства и къ одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ фараоновской литературы. Но берлинскіе папирусы являются только образчиками этой древнѣйшей литературы; нашъ же папирусъ заключаетъ, сверхъ того, интересъ совершенно необычайный вслѣдствіе того, что призванъ (какъ я надѣюсь) пролить нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе нѣсколькихъ, очень извѣстныхъ арабскихъ и древне-греческихъ разсказовъ, съ которыми онъ имѣетъ величайшее родство. Вотъ точный переводъ этого интереснаго папируса.

«Мудрый слуга говоритъ: «Да возрадуется твое сердце, господинъ мой, потому что мы достойны отечества, послѣ того, что такъ долго занимали корму корабельную и такъ долго били (воду) веслами! Носъ корабля нашего наконецъ коснулся земли! Всѣ люди радуются и возносятъ благодарственныя молитвы, а сами обнимаютъ другъ друга. Другіе тоже воротились въ цѣлости, но у насъ не пропало ни одного человѣка, даромъ, что мы достигли послѣднихъ предѣловъ земли Уауатъ, и проѣхали всю страну Сенмутъ. Вотъ мы и воротились въ мирѣ, а нашей земли—вотъ мы ея и достигли.

Выслушай меня, господинъ мой: я лишенъ всего! Обмойся и налей себѣ воды на пальцы, а потомъ обрати и направь свою рѣчь къ фараону! Твое сердце предохранитъ твою рѣчь отъ безсвязности. Потому что, хотя уста иной разъ и спасаютъ человѣка, но рѣчь его можетъ привести его и въ смущеніе (заставляетъ покрыть лицо). Поступай-же какъ велитъ тебѣ сердце: что ты ни скажешь, все успокоитъ меня.

Теперь я стану разсказывать тебѣ, какъ и что со мной случилось—со мной самимъ. Я поѣхалъ къ рудникамъ фараоновымъ, и спустился въ море, въ кораблѣ, въ полтораста локтей длины и 40 ширины, съ полутораста корабельщиками изъ лучшихъ по всему Египту, такихъ, что видали и небо, и землю, и сердце у которыхъ было осторожнѣе, чѣмъ у львовъ.

Они предсказывали, что вѣтеръ не станетъ хуже, или что его и вовсе не будетъ. Но ударилъ вѣтеръ, пока мы были въ морѣ. Только мы стали подходить къ землѣ, вдругъ поднялся вѣтеръ и удвоилъ волны локтей на 8. Я отломилъ (ухватилъ) кусокъ дерева, а тѣ, что были на кораблѣ, всѣ потонули, и ни одного не осталось. Но одной волной меня снесло на островъ, послѣ того, что я оставался цѣлыхъ три дня совсѣмъ одинъ, безъ

товарища, кромѣ своего сердца. Тамъ я легъ въ чащѣ и меня накрыло тѣнью. Наконецъ я вытянулъ ноги, чтобы постараться положить себѣ что нибудь на зубы (я всталъ, чтобъ поискать себѣ пищи). Я нашелъ тамъ фиги и виноградъ, всяческія великолѣпныя растенія «Аактъ», плоды «Кау» и плоды «Неку», дыни, какія только бываютъ, рыбъ и птицъ. Всего было вдоволь. Я поѣлъ досыта, а что осталось у меня лишняго на рукахъ, то я положилъ на землю. Я вырылъ яму, зажегъ огонь и поставилъ костеръ богамъ въ жертву.

Вдругъ я услыхалъ громовый шумъ. Я подумалъ, что это волны морскія. Деревья затряслись и земля поколебалась. Я открылъ лицо мое, и увидалъ, что подходитъ змѣй: въ немъ было 30 локтей длины, а въ бородѣ больше двухъ локтей. Его кольца были выложены золотомъ, а цвѣтомъ онъ былъ настоящая лазурь. Онъ извивался впередъ.

Онъ раскрылъ ротъ, пока я лежалъ, распростершись передъ нимъ, и сказалъ мнѣ: «Кто тебя привелъ, кто тебя привелъ, малый, кто тебя привелъ сюда? Если ты не скажешь мнѣ тотчасъ же, кто тебя привелъ сюда на островъ, я тебя заставлю познать самого себя (заставлю тебя пожалѣть о самомъ себѣ): или ты исчезнешь какъ пламя, или ты мнѣ скажешь то, чего я никогда не слыхалъ, или не зналъ раньше тебя».

Потомъ онъ положилъ меня къ себѣ въ ротъ, снесъ меня въ мѣсто своего отдохновенія, и тамъ положилъ меня, не сдѣлавъ мнѣ никакого вреда: я былъ цѣлъ и здоровъ, и ничего у меня не убавилось.

Тогда онъ раскрылъ ротъ свой противъ меня, пока я лежалъ, распростертый передъ нимъ, и сказалъ мнѣ: «Кто тебя привелъ, кто тебя привелъ, малый, кто тебя привелъ на этотъ островъ, стоящій въ морѣ, и края у котораго поставлены среди волнъ?»

Тогда я ему отвѣчалъ, опустивъ руки передъ нимъ, и сказалъ: «Я поѣхалъ къ рудникамъ, по порученію фараона, на кораблѣ въ полтораста локтей длины и сорокъ ширины. Тутъ было полтораста корабельщиковъ изъ самыхъ лучшихъ по цѣлому Египту, такихъ, что видали и небо, и землю, и сердце у нихъ было осторожнѣе, чѣмъ у львовъ. Они предсказывали, что вѣтеръ не станетъ хуже, или что его вовсе не будетъ. Каждый изъ нихъ (изъ корабельщиковъ) превосходилъ своего товарища осторожностью сердца и силою руки, а я не уступалъ имъ ни въ чемъ. Вдругъ ударилъ вѣтеръ, пока мы были въ морѣ. Только мы стали подходить къ землѣ, вдругъ поднялся вѣтеръ и удвоилъ волны на 8 локтей. Я отломилъ (ухватилъ) кусокъ дерева, а тѣ,

что̀ были на кораблѣ, всѣ погибли, и ни одного изъ нихъ не осталось со мной въ эти три дня. И вотъ я теперь предъ тобою, потому что меня принесло сюда на островъ морской волной».

На это онъ мнѣ отвѣчалъ: «Не бойся, не бойся, малый, и не печаль своего лица, потому что если ты дошелъ до меня, то это богъ далъ тебѣ жизнь. Это онъ тебя привелъ на этотъ островъ генія (волшебный островъ), гдѣ всего есть вдоволь, и который полонъ всякихъ добрыхъ вещей. Вотъ ты проживешь мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока исполнится четыре мѣсяца на этомъ островѣ. Тогда придетъ корабль изъ (твоего) отечества съ корабельщиками, и ты можешь уѣзжать съ ними къ себѣ въ отечество: ты умрешь въ своемъ городѣ.

«Разговоръ дѣло радостное: кто отъ него вкушаетъ, легко проходитъ черезъ печальныя обстоятельства. Такъ вотъ, я разскажу тебѣ, что̀ есть тутъ на островѣ. Я живу здѣсь съ моими братьями и дѣтьми, окруженный ими. Насъ всѣхъ 75 змѣевъ, дѣтей и родныхъ, не говоря про молодую дочь, которую привелъ ко мнѣ случай... [1]).

«Если ты будешь силенъ (духомъ) и если твое сердце останется терпѣливо, ты обнимешь дѣтей своихъ и поцѣлуешь жену. Ты снова увидишь свой домъ, который лучше всего на свѣтѣ, и воротишься въ отечество, гдѣ будешь среди родныхъ».

Тогда я поклонился, распростершись передъ нимъ и дотронулся до земли передъ нимъ (и сказалъ): «Вотъ что̀ я тебѣ на это скажу: я опишу твою особу фараону, я дамъ ему узнать твое величіе и велю свезти тебѣ Абъ, Гекепноу, Юденъ [2]), кассію и ѳиміамъ, употребляемый въ храмахъ богамъ въ честь. Потомъ я разскажу, что мнѣ привелось видѣть по его милости (т.-е. по милости фараона), и тебя поблагодарятъ передъ собраніемъ всей земли. Я заколю ословъ тебѣ въ жертву, ощиплю тебѣ птицъ и пошлю тебѣ корабли, наполненные всяческими сокровищами Египта, какъ это подобаетъ дѣлать для бога, друга людей въ дальней странѣ, незнаемой людьми».

Тогда онъ улыбнулся на мою рѣчь, изъ-за того, что у него было на сердцѣ, и сказалъ мнѣ: «Не много у тебя благово-

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ папируса текстъ представляетъ такую трудность для пониманія, что г. Голенищевъ оставилъ безъ перевода двѣ или три строки разсказа про маленькую дочь змѣя. Дѣло идетъ тутъ о пламени, въ которомъ сгорѣла эта дѣвочка, чего не могъ предотвратить змѣй, и онъ нашелъ ее потомъ превратившеюся въ кучу золы Въ началѣ же упоминается какая-то свѣтлая звѣзда.

[2]) Это все снадобья, употреблявшіяся въ храмахъ при изготовленіи священныхъ маслъ.

ній Анти, потому что у тебя только и есть, что простой ѳиміамъ. Но я вѣдь господинъ страны Пунтъ, и тамъ у меня есть благовоніе Анти. Только одного благовонія Гекенъ, которое ты мнѣ обѣщалъ прислать, мало тутъ на островѣ. Но только ты удалишься отсюда, ты уже больше никогда не увидишь этого острова, онъ превратится въ волны».

И вотъ, когда корабль подошелъ, какъ онъ (змѣй) предсказывалъ, я влѣзъ на высокое дерево, чтобъ поразсмотрѣть тѣхъ, кто тамъ (на кораблѣ) были. Потомъ я пошелъ разсказать ему эту новость, но увидалъ, что онъ уже это знаетъ. Тогда онъ мнѣ сказалъ: «Добраго пути, добраго пути, малый, тебѣ къ твоему дому; повидайся со своими дѣтьми, и пусть твое имя останется добрымъ въ твоемъ городѣ: таковы мои пожеланія тебѣ».

Тогда я распростерся передъ нимъ, опустивъ руки передъ нимъ, а онъ мнѣ далъ въ подарокъ благовонія Анти, Гекенъ, Юденъ, кассію, дерево Тіасъ и Шаасъ, стимми, хвосты животнаго Мама, дерево Мереритъ, множество простого ѳиміама, слоновый зубъ, собакъ Тезему, обезьянъ Гуфъ и обезьянъ Кіу, и всяческія драгоцѣнности. Я велѣлъ все это нагрузить на тотъ корабль, что тутъ случился, и, распростершись передъ нимъ, поблагодарилъ его.

Тогда онъ мнѣ сказалъ: «Вотъ ты пріѣдешь въ свое отечество черезъ два мѣсяца, ты обнимешь своихъ дѣтей, и (послѣ твоей смерти) ты останешься неприкосновеннымъ въ твоей гробницѣ».

Послѣ того я спустился на берегъ къ кораблю, и кликнулъ тамошнихъ корабельщиковъ. Я поблагодарилъ на берегу господина этого острова, и тѣхъ, кто тамъ были.

Когда, вернувшись, мы приблизились къ мѣстопребыванію фараонову, во второй мѣсяцъ, по словамъ змѣя, то мы подошли ко двору. Я вошелъ къ фараону и принесъ съ собою подарки, привезенные съ этого острова на родину. Тогда этотъ (фараонъ) поблагодарилъ меня передъ собраніемъ всей земли.

Сдѣлай же меня (о господинъ мой!) слугой твоимъ и приблизь меня къ царедворцамъ. Обрати взоръ свой на меня, приблизившагося къ твердой землѣ, столько испытавшаго и видѣвшаго. Услышь мою мольбу, потому что это добро—выслушивать людей. Фараонъ и сказалъ мнѣ: «Стань ученымъ, другъ мой»... [1]).

Здѣсь конецъ (сказкѣ) отъ ея начала и до ея конца, какъ это было найдено въ одномъ (старинномъ) писаніи. А написано

[1]) Окончаніе фразы не ясно для г. Голенищева.

это писцомъ съ искусными пальцами Амени-Аменъ-аа; будь онъ живъ, и здравъ, и могучъ».

Таково содержаніе этого чрезвычайно древняго папируса, которому теперь, приблизительно, есть около четырехъ тысячъ лѣтъ отъ роду.

Конечно, неимовѣрныя приключенія Улисса въ «Одиссеѣ», а также фантастическія странствованія моряка-Синдбада въ «Тысячи и одной ночи» тотчасъ же возникаютъ въ памяти каждаго, кто узнаетъ нашу египетскую сказку. Быть можетъ, не встрѣчая въ греческомъ эпосѣ и въ арабскихъ сказкахъ эпизода, безусловно тожественнаго съ тѣмъ, что изображенъ въ нашемъ папирусѣ, иные признаютъ лишь поверхностное сходство между этимъ послѣднимъ и разсказами «Одиссеи» и «Тысячи и одной ночи», и, не входя въ подробнѣйшія сближенія, оставятъ безъ разсмотрѣнія тотъ важный вопросъ: нѣтъ ли все-таки близкой и родственной связи между египетскою сказкою и сказками греческою и арабскою? Но, что касается до меня, то, находя такую родственную связь несомнѣнною, я рѣшаюсь изложить здѣсь, въ немногихъ словахъ, результаты моихъ изслѣдованій относительно этого предмета.

Конечно, невозможно было бы сравнивать египетскую сказку со всею «Одиссеей», въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь знаемъ. Первая содержитъ описаніе всего только одного мореходнаго похожденія, въ «Одиссеѣ» же ихъ нѣсколько, и все разнообразныхъ, при чемъ ни одно не есть точное повтореніе египетской сказки. И все-таки одинъ изъ эпизодовъ «Одиссеи» представляетъ, при первомъ же взглядѣ, два пункта поразительнаго сходства съ египетскою сказкой. Это — эпизодъ пребыванія Улисса у феакійцевъ. Здѣсь встрѣчается описаніе богатой растительности въ садахъ у феакійскаго царя Алкиноя, а также говорится о густой чащѣ на морскомъ берегу, гдѣ Улиссъ засыпаетъ, едва спасшись изъ моря — двѣ картины, тотчасъ же напоминающія намъ и естественныя богатства острова, принадлежащаго пунтскому царю, и чащу, куда египтянинъ залегъ тотчасъ послѣ того, какъ попалъ на островъ.

Вотъ два пункта полнаго тожества между «Одиссеей» и нашимъ папирусомъ, которые не только останавливаютъ на себѣ наше вниманіе, но побуждаютъ продолжать сравненіе. И дѣйствительно, другіе пункты сходства скоро присоединяются къ первоначальнымъ двумъ. Подобно египтянину нашего папируса,

Улиссъ, передъ тѣмъ чтобы попасть на островъ феакійцевъ, претерпѣваетъ страшную бурю, разбивающую его корабль какъ разъ въ то самое мгновеніе, когда онъ приближается къ конечной цѣли своего путешествія; египтянинъ попадаетъ въ бурю едва только онъ собрался направить свой корабль къ твердой землѣ, Улиссъ же испытываетъ бурю въ самомъ виду своей родной земли — горячо желанной цѣли всѣхъ его долгихъ странствій.

Если же, продолжая наши сравненія, мы на нѣсколько мгновеній оставимъ въ сторонѣ змѣиный образъ царя того острова, куда пріѣхалъ нашъ египтянинъ, сравненіе этой царственной личности съ царемъ Алкиноемъ, къ которому является Улиссъ, даетъ въ результатѣ нѣсколько чертъ значительнаго сходства. Въ пунтскомъ царѣ египтянинъ встрѣчаетъ хозяина, столько же радушнаго, какъ Улиссъ въ царѣ Алкиноѣ. Царь предлагаетъ египтянину точь-въ-точь тѣ самые вопросы (какъ онъ попалъ на неизвѣстный островъ?), какіе царь Алкиной задаетъ въ своемъ дворцѣ Улиссу. Оба царя съ одинакою заботливостью обѣщаютъ своимъ гостямъ счастливое возвращеніе въ ихъ отечество, и съ одинакою тароватостью осыпаютъ ихъ передъ отъѣздомъ подарками. Наконецъ, опуская подробности менѣе важныя (какъ, напримѣръ, кусокъ дерева, на которомъ спасаются и египтянинъ, и Улиссъ, три дня плаванія до острова и т. д.), есть еще одинъ пунктъ сильнаго сходства между египетской сказкой и эпизодомъ «Одиссеи»: именно, предсказаніе о будущей судьбѣ острова послѣ отъѣзда египтянина — это предсказаніе имѣетъ большое сходство съ подобнымъ же предсказаніемъ Алкиноя Улиссу относительно острова Схеріи. По словамъ пунтскаго царя, островъ долженъ былъ, послѣ отъѣзда египтянина, исчезнуть въ волнахъ; точно также островъ феакійцевъ долженъ былъ быть покрытъ скалою отъ руки морского бога, Посейдона: другими словами, въ обоихъ случаяхъ, оба острова должны были разрушиться, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться недоступными людямъ.

Наконецъ, островъ Схерія самымъ своимъ положеніемъ «далеко отъ людей промышленныхъ», не напоминаетъ ли острова пунтскаго царя, «жившаго въ далекой странѣ, незнаемой людьми»?

Такое довольно значительное количество сходныхъ чертъ, особливо если мы припомнимъ громадную разницу эпохъ и разницу размѣровъ сравниваемыхъ нами литературныхъ произведеній, не оставляетъ, кажется, сомнѣнія на счетъ одинакаго происхожденія сказки, послужившей образцомъ автору нашего папи-

руса—и той сказки, которая, видоизмѣняясь въ теченіи вѣковъ, наконецъ, нашла себѣ пріютъ въ греческомъ эпосѣ.

Я не скрываю отъ себя того обстоятельства, что нѣсколько довольно значительныхъ пунктовъ эпизода объ Улиссѣ у феакійцевъ не имѣютъ соотвѣтствующихъ пунктовъ въ египетской сказкѣ: таковы, напримѣръ, знаменитая встрѣча Улисса съ Навзикаей, дочерью царя Алкиноя, разговоръ Улисса съ женою Алкиноевою, игры феакійцевъ, и т. д. Но считаю долгомъ замѣтить, что если у сцены съ Навзикаей нѣтъ соотвѣтствующаго противувѣса въ египетской сказкѣ, то мы можемъ, какъ мнѣ кажется, открыть слѣды таковой сцены, или, лучше сказать, происхожденіе личности Навзикаи: я говорю про ту маленькую дѣвочку, съ прибытіемъ которой къ пунтскому царю связывается какая-то легенда, содержаніе которой остается мнѣ къ сожалѣнію до сихъ поръ не совсѣмъ понятнымъ. Опять-таки, другіе пункты, какъ, напримѣръ, игры феакійцевъ даже по признанію нѣкоторыхъ филологовъ, ничто иное, какъ худая и, сравнительно, поздняя вставка въ текстѣ «Одиссеи». Наконецъ, отсутствіе личности, соотвѣтствующей женѣ царя Алкиноя, можетъ быть объяснено разщепленіемъ въ продолженіи вѣковъ (какъ это иной разъ встрѣчается въ миѳахъ и народныхъ легендахъ) на двое, личности, первоначально единичной. Подобное разщепленіе, по крайней мѣрѣ на Алкиноя и Навзикаю, явно въ личности пунтскаго царя, когда мы вспомнимъ слова, сказанныя египтяниномъ царю, въ благодарность за его радушіе: «я пришлю тебѣ корабли со всяческими египетскими драгоцѣнностями, *какъ это приличествуетъ богу*», и т. д. Замѣтимъ, что это почти тѣ самыя слова, какія произноситъ, передъ своимъ отъѣздомъ, Улиссъ—не къ Алкиною, возвращающему его въ отечество, но къ Навзикаѣ, когда онъ говоритъ ей: «Буду... тебѣ ежедневно, какъ богу, сердцемъ молиться».

Рѣшительное вліяніе на развитіе нашей сказки должно было произойти отъ взгляда на главныя дѣйствующія лица. Если, какъ въ египетской сказкѣ (по причинамъ, которыя я изложу ниже) пунтскій царь имѣлъ видъ змѣя или дракона, такъ какъ онъ былъ съ бородой, а это во всей древности составляетъ истинный типъ дракона, то сказка могла обойтись безъ многихъ подробностей, необходимыхъ или неизбѣжныхъ въ томъ случаѣ, когда та же личность (какъ это мы видимъ въ «Одиссеѣ») являлась въ человѣческомъ видѣ. Въ первомъ случаѣ, эта личность не нуждалась ни въ дворцѣ, описываемомъ въ «Одиссеѣ», ни въ играхъ, ни въ богатомъ городѣ съ гаванью и кораблями.

Но чѣмъ объясняется, спросятъ меня, змѣиный видъ, подъ

которымъ является, въ нашей сказкѣ, пунтскій царь? Для того, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо объяснить здѣсь, въ нѣсколькихъ словахъ, что̀ такое египтяне разумѣли подъ именемъ Пунтъ?

Какъ это еще недавно очень хорошо доказано Дюмиxеномъ, однимъ изъ серьёзнѣйшихъ египтологовъ, древніе египтяне называли Пунтомъ оба побережья Краснаго моря, простирающіяся по обѣимъ сторонамъ Бабъ-эль-мандебскаго пролива. По всѣмъ вѣроятностямъ, страна Пунтъ простиралась также вдоль азіятскаго, равно какъ и вдоль африканскаго берега, нѣсколько далѣе предѣловъ этого пролива. Вотъ именно въ эту далекую страну со временъ глубочайшей древности, вѣроятно, даже въ эпоху IV-й династіи, египтяне отъ времени до времени отправляли экспедиціи за ѳиміамомъ и другими драгоцѣнными предметами. Но самымъ уважаемымъ продуктомъ страны пунтской былъ во всѣ времена ѳиміамъ Анти, который, до позднѣйшихъ эпохъ египетской исторіи, оставался однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ торговли страны Пунтъ. Попытки египтянъ, во время правленія царицы Гатасу, XVIII-й династіи, пересадить въ Египетъ растеніе, производящее Анти, а равно и экспедиціи, предпринятыя ранѣе того, во времена XI-й династіи, въ страну Пунтъ, спеціально для того, чтобъ вывезти о̀ттуда это благовоніе, доказываютъ намъ, какъ высоко египтяне цѣнили это снадобье, равно необходимое имъ и для богослуженія, и для частнаго употребленія. Для того ли, чтобъ возвысить цѣнность продукта, конечно, хорошо оплачиваемаго купцами, ѣздившими за нимъ, или же для того, чтобъ какъ можно болѣе скрыть происхожденіе этого произведенія, жители Пунта, или, лучше сказать, жители южнаго берега Аравіи выдумывали, повидимому, съ древнѣйшихъ временъ всякія сказки на счетъ опасностей, сопряженныхъ съ собираніемъ этого продукта. По крайней мѣрѣ Геродотъ разсказываетъ намъ слѣдующую сказку про собираніе ѳиміама въ Аравіи: «Для того, чтобы получить ѳиміамъ, аравитяне жгутъ подъ деревьями, производящими его, смолу, называемую стираксой и привозимую въ Грецію финикіянами. Они жгутъ эту смолу для того, чтобы отогнать множество маленькихъ летучихъ змѣевъ разныхъ породъ, которые стерегутъ эти деревья и ни за что не удалились бы оттуда безъ стираксоваго дыма». Такую же сказку про змѣевъ, стерегущихъ циннамъ, приплелъ Ѳеофрастъ къ собиранію этого произведенія. Очень, можетъ быть, что нѣсколько подобныхъ же сказокъ, существовавшихъ еще раньше Геродота, дали происхожденіе нашей сказкѣ. Всего же болѣе

должны были усилиться эти сказки въ Египтѣ въ періодъ самыхъ частыхъ сношеній со страною Пунтъ. И, кажется, эти сношенія были всего болѣе оживлены въ ту эпоху, когда писался нашъ папирусъ. Потому что во времена XI-й династіи—къ которой, повидимому, относитъ насъ, приблизительно, палеографическій типъ нашего манускрипта—мы встрѣчаемъ въ одной надписи долины Гаммаматъ, даже описаніе путешествія, предпринятаго нѣкоимъ Ганну, по приказанію фараона Сеанхкара, въ страну Пунтъ: это описаніе своимъ языкомъ чрезвычайно напоминаетъ начало нашей рукописи. Если прибавить къ сказкамъ про змѣевъ, хранителей ѳиміама, еще другія сказочные разсказы, подобные разсказу, приведенному въ «Периплѣ моря Эритрейскаго», по которому на южномъ берегу Аравіи весь ѳиміамъ составлялъ исключительную собственность царя и состоялъ подъ непосредственною охраною боговъ, то мы легче поймемъ, почему повелитель волшебнаго острова, обладатель громадныхъ массъ ѳиміама, является передъ нами царемъ, почему онъ змѣй, какъ и всѣ его ближніе, и почему, будучи вмѣстѣ и змѣемъ, и царемъ страны Пунтъ, онъ сверхъ того обладаетъ божественнымъ даромъ всезнанія и предсказанія будущаго.

Описаніе райскаго острова, какъ мы находимъ его въ нашемъ папирусѣ, объясняется также довольно естественно. По крайней мѣрѣ, описаніе острова Сокоторы, какъ мы его читаемъ въ короткомъ извѣстіи знаменитаго путешественника Швейнфурта, который очень недавно провелъ тамъ нѣсколько времени, не оставляетъ, я думаю, никакого сомнѣнія въ томъ, что египтяне, посѣщавшіе страну Пунтъ, довольно близкую сосѣдку Сокоторы, могли, если не какъ очевидцы, то хоть по разсказамъ, болѣе или менѣе сбивчивымъ, получить представленіе объ этомъ прелестномъ островѣ, трудно доступномъ и единственномъ островѣ сѣверо-восточной Африки, дѣйствительно богатомъ растительностью.

Изложивъ, такимъ образомъ, вкратцѣ мои соображенія о нашей сказкѣ въ сравненіи съ эпизодомъ «Одиссеи», и попробовавъ хоть нѣсколько освѣтить нѣкоторыя странности нашей сказки, я изложу мои замѣтки о нашемъ папирусѣ, если сравнивать его съ арабскими сказками «Тысячи и одной ночи».

Нѣкоторое сходство стиля въ египетской сказкѣ и въ разсказахъ о странствіяхъ моряка-Синдбада не можетъ не обратить на себя вниманія. Стоитъ только вспомнить описаніе въ нашемъ папирусѣ появленія змѣя, сопровождаемое землетрясеніемъ, колебаніемъ лѣса и шумомъ, подобнымъ шуму волнъ морскихъ, и мы

тотчасъ же найдемъ въ этомъ описаніи подробности совершенно тожественныя съ арабскими сказками тамъ, гдѣ дѣло идетъ о появленіи великана или змѣя. Обратимъ вниманіе на ту часть нашей сказки, гдѣ разсказывается про свиданіе египтянина съ египетскимъ фараономъ (въ концѣ сказки), и намъ нельзя будетъ не признать, что тутъ есть на лицо величайшая аналогія съ заключеніемъ многихъ Синдбадовыхъ путешествій: тутъ часто говорится, что Синдбадъ, по окончаніи такого-то или такого-то путешествія, вошелъ къ калифу и принесъ ему богатые подарки. Но все это лишь отдѣльныя черты, напоминающія фантастическія похожденія моряка-Синдбада. Нѣтъ ли еще другихъ, болѣе близкихъ сходствъ, которыя заставили бы насъ предполагать, что наша сказка сохранилась цѣликомъ, или, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ частяхъ, въ одной изъ этихъ арабскихъ сказокъ? Это вопросъ важный, заслуживающій всего нашего вниманія.

Въ описаніи семи Синдбадовыхъ путешествій, Синдбадъ видитъ себя перенесеннымъ много разъ, вплавь, на разные незнакомые острова и столь же часто ему приходится посѣщать разныхъ царей, которые всегда принимаютъ его и потомъ иногда помогаютъ воротиться въ его отечество. Но единственный разъ, когда Синдбадъ является къ царю тотчасъ же послѣ спасенія своего изъ среды волнъ — это во время перваго его путешествія. А вотъ именно это-то путешествіе, какъ мнѣ кажется, представляетъ всего больше сходства съ нашей сказкой. Вотъ вкратцѣ его содержаніе:

Послѣ продолжительной поѣздки моремъ, вмѣстѣ съ многими другими купцами, Синдбаду приходится однажды остановиться близь великолѣпнаго острова, подобнаго раю, и сюда-то онъ тотчасъ сходитъ вмѣстѣ съ товарищами. Но только-что они принимаются гулять и отдыхать тутъ отъ тяжкаго путешествія, островъ начинаетъ колебаться и вдругъ исчезаетъ подъ ихъ ногами въ морскихъ волнахъ. Потому что весь островъ, какъ объясняетъ кормчій, кричащій имъ, чтобъ они спасались, есть ничто иное, какъ огромная рыба, на спинѣ у которой набралась земля и выросли деревья: почувствовавъ у себя на спинѣ огонь жаровень, она мигомъ нырнула въ пучины морскія. Синдбадъ съ величайшимъ трудомъ спасается отъ угрожащей ему опасности, схватившись за кусокъ дерева, между тѣмъ какъ прочіе путники, благодаря кораблю, на всѣхъ парусахъ отходятъ отъ мѣста гибели. Цѣлыхъ три дня Синдбадъ носится по волнамъ, наконецъ его выбрасываетъ на островъ, столько же прелестный, какъ

и первый, и здѣсь онъ отдыхаетъ отъ усталости, и въ то же время питается великолѣпными плодами, находящимися тутъ въ изобиліи. Прогуливаясь тутъ однажды по берегу, онъ встрѣчаетъ конюховъ царя Михраджа, стерегущихъ у морского берега царскихъ кобылицъ. Эти люди ведутъ его къ царю, который тотчасъ же распрашиваетъ его, какъ это онъ попалъ сюда на островъ? Тогда Синдбадъ разсказываетъ ему все, что̀ съ нимъ случилось со времени его отъѣзда изъ Басры. На это царь отвѣчаетъ ему, что онъ никогда.бы не спасся отъ смерти, еслибъ ему не было предопредѣлено не погибнуть, и что онъ одного Бога долженъ благодарить за свое спасеніе. Послѣ того, еще полный удивленія отъ чуднаго разсказа Синдбадова, царь Михраджъ даетъ ему титулъ катиба гавани и позволяетъ приходить къ себѣ всякій день. Во время одной изъ бесѣдъ своихъ съ царемъ и его приближенными, Синдбадъ, распрашивая про положеніе дѣлъ на островѣ царя Михраджа, узнаетъ, что индѣйцы, подданные царя Михраджа, раздѣляются на 42 (по инымъ редакціямъ на 72) отдѣла, одни называются шакирійе (или секарибе, шакирибе), другіе—брахманами. Но всѣ усилія Синдбада узнать что-нибудь про свое отечество или возвратиться туда какимъ нибудь способомъ, остаются тщетны, потому что никто не знаетъ Басры, и волей-неволей онъ принужденъ дожидаться какого-нибудь корабля, который бы свезъ его назадъ на родину. Наконецъ, однажды, къ великому своему изумленію, онъ видитъ, что входитъ въ гавань тотъ самый корабль, на которомъ онъ уѣхалъ изъ Басры и который покинулъ его въ минуту опасности. Не безъ труда узнаетъ его кормчій, не вѣрящій ему, потому что считаетъ его погибшимъ, и наконецъ ему выдаютъ его товары, остававшіеся на кораблѣ. Обрадованный свиданіемъ съ товарищами, Синдбадъ бѣжитъ къ царю Михраджу, благодаритъ его за радушный пріемъ на островѣ и говоритъ ему о своемъ скоромъ отъѣздѣ. Царь Михраджъ отпускаетъ его и даетъ ему, передъ отъѣздомъ, множество подарковъ. Послѣ того, Синдбадъ садится на корабль и благополучно возвращается въ отечество.

Разсматривая эту сказку, мы не можемъ не замѣтить между нею и египетскою сказкой не мало пунктовъ сходства. Пловучій островъ, превращающійся у арабскаго автора въ громадную рыбу, не можетъ-ли онъ быть эхомъ того, что̀ намъ извѣстно про островъ, куда пріѣхалъ египтянинъ? По предсказанію змѣя, этотъ островъ долженъ былъ превратиться въ волны или, другими словами, исчезнуть въ волнахъ. Тотъ фактъ, что подданные царя Михраджа раздѣляются на 42 или 72 отдѣла, не

напоминаетъ-ли онъ намъ тотчасъ же словъ змѣя, который, описывая все касающееся острова, разсказываетъ египтянину, что число его дѣтей и ближнихъ простирается до цифры 75? Потомъ, тѣ слова, которыми царь встрѣчаетъ Синдбада, не похожи ли они на слова царя пунтскаго, замѣчающаго, что Богъ— главная причина его спасенія? Другія еще подробности арабской сказки, не вполнѣ ли онѣ тожественны съ такими же подробностями египетской сказки, напримѣръ, пріѣздъ Синдбада на островъ при помощи куска дерева, великолѣпные плоды, которыми онъ питается первое время на острову, радушный пріемъ царя Михраджа, довольно продолжительное пребываніе у этого царя, подарки, данные этимъ послѣднимъ передъ отъѣздомъ, наконецъ, счастливое возвращеніе домой безъ всякихъ иныхъ приключеній?

Наконецъ, остается еще одинъ пунктъ, котораго кажущееся разногласіе въ обѣихъ сказкахъ способно даже, по моему мнѣнію, сблизить ихъ одну съ другою. Это вопросъ о происхожденіи корабля, на которомъ египтянинъ возвращается съ волшебнаго острова. Въ арабской сказкѣ цѣпь событій, случающихся съ Синдбадомъ во время перваго его путешествія, складывается такимъ образомъ, что прибытіе того самаго корабля, на которомъ Синдбадъ уѣхалъ изъ отечества, въ ту самую гавань, гдѣ онъ служилъ катибомъ, не заключаетъ ничего необыкновеннаго и нисколько не противорѣчитъ естественной связи событій. Совсѣмъ иное видимъ мы въ египетской сказкѣ. Здѣсь прибытіе корабля изъ Египта предсказано змѣемъ. Но какимъ образомъ этотъ корабль могъ прійти, въ опредѣленное время, къ этому острову, даже мѣстоположеніе котораго совершенно неизвѣстно ни единому человѣку, по выраженію нашего папируса—этого не объясняется въ сказкѣ. Этотъ вопросъ становится даже еще темнѣе, когда мы сравнимъ начало папируса, гдѣ сказано, что египтянинъ воротился, такъ-что «не пропало ни одного человѣка», съ дважды повтореннымъ въ сказкѣ извѣстіемъ, что буря, разбившая корабль египтянина, пожираетъ всѣхъ его спутниковъ, «такъ что ни одного изъ нихъ не осталось въ живыхъ». Не слѣдуетъ ли, для объясненія этого противорѣчія, предположить, что египетская сказка, какъ она сохранилась въ нашемъ папирусѣ, представляетъ лишь извлеченіе изъ сказки болѣе длинной и содержавшей, можетъ быть, нѣкоторыя такія подробности, которыя теперь сохранились для насъ лишь въ соотвѣтствующей сказкѣ арабской? Или же слѣдуетъ предположить (что́ я считаю вѣроятнымъ), что противорѣчія подобнаго рода не

слишкомъ-то смущали, въ первоначальныя времена, древнихъ слушателей этихъ народныхъ сказокъ, и что эти послѣдніе, прослушивая свои сказки, навѣрное меньше заботились о здравой логикѣ, чѣмъ критики новаго времени, которые слишкомъ часто упорно отыскиваютъ ее въ древнихъ поэмахъ? Въ послѣднемъ случаѣ придется допустить, что если арабская сказка представляетъ болѣе естественную связь событій, чѣмъ папирусъ, то это оттого, что она подверглась подправкамъ человѣка болѣе развитого и внимательнаго, который уже не въ состояніи былъ такъ легко скользить по противорѣчіямъ, слишкомъ явнымъ, какъ это возможно было для древняго автора нашей сказки.

Такимъ образомъ мы нашли, что египетская сказка, составляющая главный предметъ настоящей статьи, имѣетъ, съ одной стороны, нѣкоторое сходство съ однимъ эпизодомъ «Одиссеи», а съ другой стороны сильно напоминаетъ путешествіе Синдбада въ «Тысячи и одной ночи». Посмотримъ теперь: тотъ эпизодъ изъ Синдбадовыхъ путешествій, чтó мы сейчасъ сравнили съ нашимъ папирусомъ, не представляетъ ли онъ, *независимо отъ египетскаго папируса*, черты сходства съ эпизодомъ Улисса у феакійцевъ, родство котораго съ египетскою сказкою мы также, я надѣюсь, установили? Здѣсь, надо признаться, у насъ мало надежды на успѣхъ, потому что оба разсказа значительно удаляются одинъ отъ другого, даже до такой степени, что не будь у насъ египетской сказки, навѣрное никому не пришла бы въ голову мысль сравнивать первое Синдбадово путешествіе, скорѣе всякого другого, съ эпизодомъ Улисса у феакійцевъ. Но теперь, когда у насъ есть посредствующее звено въ египетской сказкѣ, которая въ иныхъ частяхъ своихъ напоминаетъ эпизодъ изъ «Одиссеи», а въ другихъ, совершенно иныхъ, представляетъ родство съ однимъ путешествіемъ Синдбадовымъ, — даже одной характеристической черты *непосредственнаго* сходства между этими двумя разсказами, т.-е. между эпизодомъ «Одиссеи» и первымъ Синдбадовымъ путешествіемъ, было бы, я думаю, достаточно для того, чтобъ довершить кругъ нашихъ сравненій и еще болѣе доказать справедливость нашихъ предположеній на счетъ родственности этихъ различныхъ сказокъ. Найти же такую черту сходства не трудно. Если въ «Одиссеѣ» мы видимъ, что жители острова Схеріи занимаются торговлей, если на этомъ самомъ островѣ, Улиссъ любуется и на корабли, и на великолѣпную гавань феакійцевъ, не можемъ ли мы сблизить со всѣмъ этимъ богатую торговлю, производившуюся на островѣ царя Михраджа и наполненную кораблями гавань, куда царь Михраджъ приста-

вилъ Синдбада катибомъ? Гдѣ мы найдемъ въ египетской сказкѣ ту характеристическую черту, которая независимо сближала бы арабскую сказку съ египетскою? Нигдѣ. И вотъ, именно это-то отсутствіе такой характеристической подробности и заставляетъ меня сомнѣваться въ томъ, чтобъ непосредственно та самая египетская сказка, которую мы знаемъ, произвела на свѣтъ тѣ двѣ другія сказки. Я скорѣе предполагаю, что всѣ три сказки развились изъ одной и той же, а старшая изъ тѣхъ, что произошли изъ нея, есть та, чтб оказывается въ нашемъ папирусѣ. Поразительное сходство, существующее между нѣкоторыми другими частями Синдбадовыхъ путешествій, или вообще нѣкоторыми арабскими и нѣкоторыми другими греческими легендами, наприм., эпизодами Полифема, Лотофаговъ и Аристомена мессенійца— сходство, котораго не слѣдуетъ болѣе объяснять заимствованіями арабовъ у грековъ, заставляетъ предполагать, что всѣ эти сказки очень древни, можетъ быть столько же древни, какъ наша египетская сказка.

Если допускать предположенія, я охотно согласился бы съ тѣмъ, что финикійцы были, по всей вѣроятности, распространителями всѣхъ этихъ древнихъ сказокъ. Но пока у насъ нѣтъ еще достаточныхъ доказательствъ для поддержанія такой мысли, я никакъ не считаю ее единственною возможною.

Кромѣ интереса, представляемаго нашимъ папирусомъ для объясненія происхожденія нѣкоторыхъ частей «Одиссеи», а также нѣкоторыхъ арабскихъ сказокъ, другой еще, не меньшій интересъ можетъ произойти изъ него для библейской экзегезы.

Описаніе острова съ великолѣпными растеніями, гдѣ живетъ змѣй, надѣленный даромъ слова, не напоминаетъ ли очень сильно библейскаго сказанія о земномъ раѣ, съ находящимся тамъ змѣемъ, соблазняющимъ своими рѣчами Адама и Евву?

Такое сближеніе можетъ показаться, на первый взглядъ, очень рискованнымъ, и признаюсь, его никогда нельзя было бы поддержать, если бы другіе еще факты, повидимому, не оправдывали его.

Во-первыхъ, надо замѣтить, что на основаніи нашего папируса мы не можемъ не приписать волшебному острову мѣстоположенія, очень близкаго къ землѣ Пунтъ, такъ-какъ, по нашему папирусу, владыкою этой послѣдней страны былъ именно змѣй, жившій на этомъ островѣ. Но, изучая географическіе списки древнихъ египтянъ, мы не безъ удивленія находимъ, что именно въ сосѣдствѣ со страною Пунтъ египтяне помѣщали землю «Тапутеръ», или «Тау-нутеру» — «небесную землю», или «страну

боговъ»; что въ своихъ надписяхъ они указывали на эту страну какъ на ту, откуда, по ихъ мнѣнію, пришли разныя божества въ Египетъ: слѣдовательно, она должна была для египтянъ быть какъ бы коренною родиною боговъ, или нѣкоторымъ Олимпомъ. Не можемъ ли мы, поэтому, предположить теперь, что волшебный островъ, служащій мѣстопребываніемъ змѣю, составлялъ лишь часть сосѣдней земли, т.-е. «страны боговъ», подобно тому, какъ Божій садъ, насажденный въ «Эдемѣ», составлялъ по библіи только часть этой послѣдней мѣстности?

И такъ, если принять это послѣднее предположеніе, вотъ еще черта, которая дала бы намъ возможность сравнить нашъ островъ съ библейскимъ Божьимъ садомъ. Но что̀, по моему мнѣнію, бросаетъ еще бо̀льшій свѣтъ на этотъ вопросъ, это очень древняя и очень важная надпись, только-что опубликованная Бругшъ-пашей на основаніи копіи, снятой имъ въ одной изъ пирамидъ, недавно раскопанныхъ въ Саккарѣ. Тамъ говорится о мѣстопребываніи боговъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Есть большой островъ среди «полей покоя», и тамъ пребываютъ величественные боги. Эти послѣдніе, будучи звѣздами неподвижными, даруютъ царю N. N. древо жизни, отъ котораго они живутъ, для того, чтобъ и онъ тоже отъ него жилъ». Этотъ чрезвычайно любопытный текстъ тотчасъ же напоминаетъ намъ, по своему упоминанію древа жизни,—библейскій рай; съ другой стороны, онъ показываетъ, что египтяне въ самомъ дѣлѣ представляли себѣ, и даже во времена гораздо болѣе древнія, чѣмъ нашъ папирусъ, что рай находится на островѣ.

Поэтому-то мѣстоположеніе рая, какъ онъ отчасти описанъ въ библіи, повидимому, соотвѣтствуетъ приблизительному мѣстоположенію земель: Пунтъ, Та-Нутеръ и острова нашего папируса. Потому что, если рѣки Хиддекелъ-Тигръ и Фратъ-Евпратъ заставляютъ насъ отыскивать географическое положеніе, предполагаемое для земного рая, очень далеко на сѣверѣ, въ сосѣдствѣ этихъ двухъ рѣкъ, то другая часть легендъ, касающихся рая, повидимому, болѣе древняя, можетъ привести насъ ближе къ упомянутымъ странамъ. Потому что въ этихъ послѣднихъ легендахъ, повидимому, спаявшихся вмѣстѣ съ другими, быть можетъ ассирійскими по происхожденію, упоминаются Кушъ и Хавила, какъ двѣ страны, орошаемыя рѣками, выходящими изъ рая. Но я не вижу серьёзной причины, которая заставляла бы насъ признавать въ Кушѣ этихъ легендъ не ту страну, которая лежитъ на югъ отъ Египта и постоянно носитъ, въ египетскихъ надписяхъ, это самое имя. Между тѣмъ, что касается Ха-

вилы, то, по справедливымъ доводамъ Шпренгера, нельзя сомнѣваться, что это одна изъ аравійскихъ земель: тотъ фактъ, что она обилуетъ золотомъ, бедолахомъ (bdellium=anti) и камнями сехемъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь земля Хавила есть именно та самая, которая въ другихъ библейскихъ книгахъ поименовывается вмѣстѣ съ Шебой=Савой и Офиромъ=Пунтомъ.

Сравненія волшебнаго острова съ библейскимъ раемъ, невольно приходящія на мысль, естественно приводятъ насъ къ сравненію и другихъ райскихъ легендъ, напримѣръ, Гесперидскаго сада, котораго стражъ, змѣй, по имени Ладонъ, удивительно напоминаетъ своимъ именемъ одно произведеніе, похожее на Анти—именно ладанъ, которое, бывши, можетъ быть, въ началѣ тѣмъ предметомъ, что оберегалъ змѣй, передало ему наконецъ и свое имя.

Остаются впереди другія сравненія между разными разсказами, сохранившимися у классическихъ авторовъ, о едва знаемыхъ островахъ, населенныхъ полу-богами и наслаждающихся разнообразными благами природы. Но болѣе подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ пунктовъ должно быть оставлено до другого случая. Здѣсь я только остановлюсь еще, мимоходомъ, на одномъ маленькомъ, очень интересномъ извѣстіи Геродота, получающемъ изъ нашего папируса неожиданный свѣтъ.

Въ своемъ описаніи Египта отецъ исторіи выражается слѣдующимъ образомъ, говоря про аравійскую цѣпь, удалявшуюся, по его мнѣнію, отъ Нила на югъ отъ Мемфиса и направляющуюся на востокъ: «Съ востока на западъ, аравійская цѣпь занимаетъ, какъ я слышалъ, два мѣсяца пути, а ея восточная оконечность родитъ ѳиміамъ». Ровно два мѣсяца, тоже, нашъ египтянинъ употребилъ, въ нашемъ папирусѣ, на возвращеніе изъ страны, богатой ѳиміамомъ—съ острова царя пунтскаго, въ свое отечество, и, безъ сомнѣнія, такой срокъ назначали египтяне для возвратнаго путешествія изъ земли Пунтъ.

Въ настоящей статьѣ я долженъ былъ соблюдать краткость, и не имѣлъ возможности привести всѣ доводы необходимые для оправданія моихъ положеній. Тѣ, кого интересуютъ вопросы, поднимаемые нашимъ папирусомъ, найдутъ гораздо болѣе полное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ въ моемъ будущемъ трудѣ, посвященномъ этому папирусу. Тамъ я обнародую fac-simile папируса, гіероглифическую транскрипцію текста, и приложу переводы и объяснительныя примѣчанія».

Таково содержаніе въ высокой степени любопытной записки г. Голенищева.

Несомнѣнно, первый и ближайшій интересъ, представляемый новооткрытымъ папирусомъ нашего Эрмитажа, есть интересъ египтологическій. Новый, и очень крупный фактъ вносится въ культурную лѣтопись Египта. Исторія египетской литературы обогащается новымъ и чрезвычайно интереснымъ поэтическимъ созданіемъ, увеличивающимъ собою количество поэмъ, разсказовъ, лирическихъ пьесъ, прочитанныхъ въ послѣдніе годы на египетскихъ стѣнахъ, саркофагахъ, камняхъ, плитахъ и папирусахъ, и образующихъ, въ настоящее время, уже цѣлую библіотеку. Какой отпоръ еще недавнимъ каррикатурнымъ понятіямъ, распространеннымъ и въ средѣ ученыхъ, и въ средѣ публики цѣлой Европы, что у египтянъ никогда не только не бывало никакой литературы, но даже и быть не могло: египтяне-молъ лишены были и «творчества», для того потребнаго, да притомъ-же они «жили въ слишкомъ большомъ непосредственномъ напряженіи, мѣшавшемъ имъ углублягься въ самихъ себя»; наконецъ, у египтянъ никогда-десвать не бывало никакого эпоса, «потому что они очень рано выработали себѣ историческій смыслъ, который и закрѣпился вполнѣ въ одныхъ произведеніяхъ архитектуры и скульптуры, а въ гіероглифахъ утвердилъ свои воспоминанія съ прочностью лѣтописи» и т. д., и т. д. Всѣ эти смѣшныя соображенія и важныя разглагольствованія историковъ вообще, а также историковъ литературы, историковъ искусства, а отчасти даже и самихъ египтологовъ прежняго времени, я подробно излагалъ однажды на страницахъ «Вѣстника Европы», когда передавалъ тамъ знаменитый египетскій «Романъ о двухъ братьяхъ» [1]).

Можно-ли всему подобному удивляться, когда самъ Гёте, не взирая на глубокій умъ и симпатіи ко всему художественному въ мірѣ, говорилъ, не то что уже о египетской литературѣ, но даже о самомъ египетскомъ искусствѣ, что его произведенія точно также, какъ китайскія и индѣйскія, не болѣе, какъ «курьезности» (Curiositäten), слишкомъ мало способныя принести пользу нравственному и эстетическому образованію человѣчества. Таковы были понятія въ Европѣ, еще отъ конца прошлаго вѣка, даже у многихъ лучшихъ людей.

Теперь ничто подобное не возможно болѣе: изученіе египетскаго искусства давно уже стало на настоящую почву, а что

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1868, октябрь.

касается литературы, то въ послѣднія 30 лѣтъ открыто такъ много египетскихъ литературныхъ произведеній всякаго рода, что о старинныхъ ратованіяхъ на счетъ «причинъ несуществованія египетской литературы» можно вспоминать только съ усмѣшкой. Египетская литература заняла одно изъ почетнѣйшихъ и важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду древнихъ восточныхъ литературъ. Между всѣми ея произведеніями, повѣсть петербургскаго папируса играетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ наиболѣе крупныхъ ролей и по глубокой древности (она относится къ концу Древняго, или началу Средняго царства, къ XI династіи), и по своему интересу, литературному, историческому и миѳологическому, въ отношеніи собственно къ самому Египту.

Но едва-ли не еще бо́льшій интересъ представляетъ повѣсть или сказка петербургскаго папируса, когда взглянуть на тѣ сходства, которыя г. Голенищевъ открылъ между этою повѣстью и нѣкоторыми эпизодами «Одиссеи» и «Тысячи и одной ночи». Сходства эти неминуемо ведутъ къ выводамъ первостепенной важности. Что касается еще «Тысячи и одной ночи», то они, конечно, легко способны казаться менѣе неожиданными: собраніе восточныхъ сказокъ, извѣстное подъ именемъ «Тысячи и одной ночи», вовсе не считаютъ произведеніемъ собственно арабскимъ, и о происхожденіи этихъ мозаичныхъ, почти случайно сплоченныхъ разсказовъ, съ древняго востока, наврядъ-ли кто сомнѣвается. Но что́ поразительно, что́ вполнѣ неожиданно, это—получаемое теперь убѣжденіе, что одна изъ коренныхъ и древнѣйшихъ частей «Одиссеи» не есть произведеніе самостоятельное, дѣйствительно греческое. Критики древне-греческой литературы, признавая въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» много прибавокъ и вставокъ позднѣйшаго времени и остроумно отдѣляя ихъ, установляли, однакоже, на основаніи долгой и глубоко-ученой работы, твердое и неприкосновенное ядро, которое должно считаться въ каждой изъ этихъ двухъ поэмъ основнымъ, кореннымъ,—то, что́ они обыкновенно называютъ «первоначальной, древней частью поэмы». И вотъ къ этой-то первоначальной части поэмы отнесенъ у всѣхъ критиковъ и историковъ греческой литературы эпизодъ о прибытіи Улисса, послѣ жестокой бури и кораблекрушенія, на островъ феакійцевъ, на бревнѣ, обломкѣ погибшаго его корабля, пребываніе у царя Алкиноя и благополучное возвращеніе его оттуда прямо на родину. И вдругъ петербургскій папирусъ доказываетъ, что тутъ нѣтъ ничего спеціально греческаго, самобытнаго въ этомъ эпизодѣ! Эпизодъ оказывается гораздо болѣе древнимъ, нежели «Одиссея», нежели самая

троянская война, нежели древнѣйшія времена всей Греціи [1]). Улиссъ «Одиссеи», по крайней мѣрѣ въ этомъ эпизодѣ, оказывается не грекомъ, возвращающимся съ національной греческой войны, а только передѣлкой, эхомъ какихъ-то сказаній и героевъ, принадлежавшихъ совершенно инымъ національностямъ, несравненно болѣе первоначальнымъ. Какой ударъ всѣмъ исторіямъ греческой литературы, гдѣ, съ непреложностью математической аксіомы излагалось, что «Одиссея» есть поэма такая единичная, такъ строго задуманная и компактно созданная поэтомъ, что немыслимо отдѣлять оттуда ни единаго существеннаго, коренного члена! Въ наше время получается все болѣе и болѣе убѣжденіе, что въ литературѣ, какъ и въ пластическомъ искусствѣ, греки, не изобрѣтая сами ни одного первоначальнаго, основного мотива, брали таковые всегда съ древняго востока, и съ геніальною художественностью обработавъ ихъ, сообразно съ требованіями своей расы и своего тонкаго интеллекта, выносили на свѣтъ созданія, какъ будто совершенно новыя, но въ сущности образовавшіяся поверхъ скелета, принадлежавшаго первоначально чуждымъ народностямъ. Это съ достаточною осязательностью прослѣжено уже художественными историками и критиками въ области архитектуры, скульптуры и живописи. Что мудренаго, если то же самое совершалось и въ литературѣ? И нашему петербургскому папирусу выпала честь принести, для доказательства этого, одинъ очень важный фундаментальный камень.

Вообще говоря, новѣйшія открытія ассиріологовъ и египтологовъ все болѣе и болѣе склоняютъ мнѣніе ученаго міра въ пользу того предположенія, что какъ въ литературѣ и искусствѣ, такъ и въ историческихъ религіозныхъ и миѳологическихъ преданіяхъ, традиція, передача отъ одного народа другому, еще со времени сѣдой древности, играютъ громаднѣйшую роль, и что много литературныхъ памятниковъ, считаемыхъ несомнѣнно самостоятельными, вовсе несамостоятельны, и по коренной основѣ вовсе не принадлежатъ тѣмъ народностямъ, къ которымъ привыкли считать ихъ отъ вѣку принадлежащими.

Въ заключеніе своей замѣтки считаю умѣстнымъ обратить вниманіе людей, интересующихся этими вопросами, на то, что въ эпизодѣ Улисса у феакійцевъ въ «Одиссеѣ» мы находимъ не только ту же коренную основу, что въ египетской сказкѣ

---

[1]) Читатель сравнитъ эти замѣчанія съ тѣмъ, что говорилось въ прошлой книгѣ „В. Е.“ по поводу сочиненія г. Воеводскаго о миѳологіи „Одиссеи“.—*Ред.*

петербургскаго папируса, но даже нѣкоторыя подробности изложенія. Такъ, напримѣръ, одною изъ очень характерныхъ подробностей египетской сказки являются слова египтянина, разсказывающаго про свои похожденія во время кораблекрушенія и потомъ плаванія по морю: «Я провелъ три дня совсѣмъ одинъ, безъ товарища, кромѣ своего собственнаго сердца». Замѣчательно, что въ этомъ самомъ мѣстѣ «Одиссеи», греческій Улиссъ точно также обращается постоянно къ единственному тогдашнему товарищу своему, собственному своему сердцу:

«Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце.
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу».... (V, 297).
«Началъ тогда про себя размышлять Одиссей богоравный,
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу».... (V, 354).
«Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце,
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу».... (V, 406) и т. д.

Эта фраза, нѣчто какъ-бы въ родѣ поэтической формулы, нѣсколько разъ повторяемой почти безъ измѣненія, заслуживаетъ вниманія изслѣдователя.

Напомню еще читателямъ «Вѣстника Европы», что лѣтъ 13 назадъ, я также, на свою долю, имѣлъ случай указать на сходство между произведеніями египетской, азіятской и европейской литературы. Излагая подробное содержаніе знаменитой египетской повѣсти или сказки, извѣстной подъ именемъ «Романъ о двухъ братьяхъ» [1]), я указывалъ на то, что эта повѣсть заключаетъ въ себѣ не мало мотивовъ, встрѣчаемыхъ въ разныхъ современныхъ легендахъ и народныхъ сказкахъ. Соблазненіе добродѣтельнаго юноши замужнею женщиною встрѣчается въ очень многихъ литературныхъ произведеніяхъ европейскихъ и азіятскихъ народовъ (у насъ въ особенности, въ былинѣ *о сорока каликахъ съ каликой*); преслѣдованія мужа невѣрною женою, обмираніе его и превращеніе въ разныя существа, и, наконецъ, полное его торжество надъ всѣми кознями—все это мотивы также намъ извѣстные, *каждый въ отдѣльности*, изъ разныхъ восточныхъ повѣстей и сказокъ. Но всего болѣе сходства я находилъ у египетской повѣсти съ исторіей царевича Сіавуша, въ Шахъ-Намэ. Свои выводы и заключенія о причинахъ такихъ сходствъ я тутъ-же излагалъ во всей подробности. Новооткрытый петербургскій папирусъ подтверждаетъ, мнѣ кажется, вполнѣ мои тогдашнія соображенія.

Теперь одно слово о молодомъ ученомъ, открывшемъ и из-

[1]) Вѣстникъ Европы, 1868, октябрь, статья: „Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ".

слѣдовавшемъ петербургскій папирусъ и готовящемся представить его ученому міру въ особомъ изданіи, во всей полнотѣ нынѣшняго научнаго аппарата. Едва покинувъ университетскую скамью, онъ уже своими первыми работами обратилъ на себя вниманіе значительнѣйшихъ современныхъ египтологическихъ авторитетовъ, каковы: Лепсіусъ, Бругшъ, Бирчъ, Масперо и другіе. Онъ участвуетъ съ честью въ извѣстной берлинской «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde». Путешествіе его въ Египетъ, откуда онъ привезъ почти цѣлый маленькій египетскій музей, конечно, еще болѣе расширило его научный горизонтъ, и скоро по возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ сдѣланъ консерваторомъ египетскаго отдѣленія Эрмитажа. Здѣсь онъ дебютируетъ открытіемъ и объясненіемъ папируса, имѣющаго громадное значеніе для всей европейской науки. Можно-ли не пожелать, отъ искренняго сердца, наилучшаго успѣха юношѣ, начинающему такимъ блестящимъ образомъ свою ученую карьеру? У него, между русскими, не было ни одного предшественника по части египтологіи, кромѣ Гульянова (сконч. въ 1841 году). Но Гульяновъ, сынъ молдавскаго господаря, проведшій всю почти жизнь за границей, на счетъ русскаго правительства, былъ скорѣе дилеттантъ, и хотя отличился тѣмъ, что жестоко и безплодно нападалъ на Шамполіонову систему чтенія гіероглифовъ, но ничего самъ не создалъ и не произвелъ, а своими объясненіями египетской миѳологіи, со стороны религіозной, христіанской и «нравственной», оставилъ по себѣ память въ нѣкоторомъ родѣ даже комическую. В. С. Голенищевъ принадлежитъ совершенно другому настроенію, образу мыслей, эпохѣ и совершенно другой наукѣ. Отъ него можно, кажется, по всѣмъ правамъ ожидать многаго, настоящаго.

В. Стасовъ.

